

Министерство образования Российской Федерации
Вологодский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Перебинос Юлия Александровна

**Провинциальное чиновничество
Европейского Севера России 1930-х годов**

Специальность – 07. 00. 02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Вологда – 2000

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор **М.А. Безнин**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **Т.Г. Архипова**

кандидат исторических наук
С.Н. Цветков

Ведущая организация: **Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН**

Защита состоится 20 декабря 2000 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета К. 113.47.02 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160035, г. Вологда, проспект Победы, 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «17» нояб 2000 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

С.Г. Карпов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Исследования по социально-политической истории России 1930-х гг. по-прежнему находятся в ряду весьма актуальных в современной отечественной историографии. Одним из сложных является вопрос о характере и механизме власти. В 1930-е гг., как и на предыдущих этапах российской истории, роль государства в социально-экономическом и политическом развитии страны была огромной. Однако реализация государственной политики во многом зависела от субъективного фактора, в частности, от взглядов и установок отдельных лидеров, выбирающих общее направление развития страны, от особенностей восприятия и претворения политики Центра руководством на местах. Без освещения процесса функционирования властного аппарата и деятельности его кадрового состава не представляется возможным глубокое понимание характера эволюции советского общества в 1930-е гг. Изучение темы на региональном уровне через призму социально-политических процессов и событий, имевших место на отдельных территориях, способствует пониманию закономерностей и особенностей развития советского общества 1930-х гг. в масштабе всей страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является провинциальное чиновничество Европейского Севера России, предметом – его состав и профессиональная деятельность в 1930-е гг. В данной работе под чиновничеством понимаются служащие, которые имели возможность принимать общественно значимые решения, руководить их реализацией и обеспечивать исполнение. Изучается руководящий состав аппаратов исполкомов Советов и их отделов: руководители исполкома и его подразделений, инструкторско-инспекторский корпус («ответственные исполнители»), специалисты с административными функциями (экономисты, инженеры, инспекторы). К группе чиновников также отнесены ответственные работники аппаратов партийных комитетов (ответственные секретари, руководители подразделений, инструкторы).

Хронологические рамки исследования охватывают период 1930-х гг. Начальная грань – рубеж 1920-х и 1930-х гг. – связана со свертыванием нэпа, началом индустриализации и коллективизации, подавлением оппозиционных течений внутри правящей партии, что повлияло на состав и характер деятельности местного чиновничества. В 1929 г. на территории Европейского Севера России завершилось районирование, был образован Северный край. Верхняя хронологическая граница приходится на начало 1940-х гг. Политика индустриализации, коллективизации, культурной революции, кадровых репрессий последней трети 1930-х гг. привела к значительным переменам в политической, социально-экономической, культурной сферах страны. К началу 1940-х гг. произошли изменения в социальной структуре советского общества в

целом и внутри его отдельных групп, в том числе в составе местных руководителей. В последней трети 1930-х гг. в связи с ликвидацией Северного края на территории Европейского Севера России были созданы новые административно-территориальные образования, формирование властных структур которых завершилось к началу 1940-х гг. Верхняя граница исследования также сопряжена с началом Великой Отечественной войны. Условия военного времени наложили отпечаток на особенности функционирования партийно-советского аппарата, поэтому изучение провинциального чиновничества в военное время является темой для самостоятельного научного изыскания.

Территориально исследование ограничено той частью Европейского Севера России, которая в 1929-1936 гг. входила в Северный край, – современными Архангельской, Вологодской областями и Республикой Коми. Система советских и партийных органов Северного края соответствовала трехчленному делению «край – округ (область) – район». Сельские Советы выполняли функции низового звена власти. Летом 1930 г., за исключением Коми области и Ненецкого национального округа, были ликвидированы округа. Связующим административным звеном между краем и сельсоветами стал район. В декабре 1936 г. была выведена из состава Северного края и преобразована в автономную республику в составе РСФСР Коми область, что повлияло на структуру, компетенцию и статус личного состава ее партийных и советских органов. На месте ликвидированного в конце 1936 г. Северного края первоначально образовалась Северная область, которая в сентябре 1937 г. разделилась на две – Архангельскую и Вологодскую. В 1937г. к Вологодской области присоединены 18 районов, ранее входивших в состав Ленинградской области. Аппарат исполкомов Советов и партийных комитетов Архангельской и Вологодской областей был построен на одних и тех же организационных принципах, имел практически одинаковую структуру. В связи с этим изучение провинциального чиновничества 1937-1941 гг. в настоящей работе ограничено территорией современных Архангельской и Вологодской областей.

Историография. Провинциальное чиновничество 1930-х гг. ранее не являлось объектом специального и всестороннего изучения. Вместе с тем на данный момент в отечественной и зарубежной литературе накоплен обширный материал по отдельным аспектам темы. Одними из наиболее разработанных являются проблемы формирования структуры местной власти. В 1950-1990-е гг. усилиями В.А. Власова, Т.В. Волокитиной, Т.П. Коржихиной, А.И.Лепешкина, А.Б. Мизя, А.А. Нелидова, М.А Сукиасяна, В.А. Цикулина было представлено комплексное описание системы государственного аппарата, структуры его местных подразделений, рассмотрены основные принципы организации и деятельности органов управления в довоенный период¹. В 1990-е

¹ Власов В.А. Советский государственный аппарат. – М., 1959; Волокитина Т.В. Государство в политической системе СССР и стран Восточной Европы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы в 20-60 гг. – М., 1992. – С. 18-32; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917-декабрь 1991 г.

гг. в историографии утвердились идеи о сращивании партии и государства, сосредоточении властных полномочий в руках партийных комитетов, упрочении административно-командной системы управления (АКСУ). В 1990-е гг. появились диссертационные исследования, в которых на материалах конкретных регионов описывалась местная система власти 1930-х гг.² Проблемы образования Северного края рассматривались в работах Л.И.Бедановой, С.И.Шубина³.

Вопросы партийного строительства и кадровой политики партии по формированию аппарата управления нашли отражение в советской историко-партийной литературе⁴. Среди обобщающих изданий следует выделить многоотомную историю КПСС, а также очерки по истории партийных организаций регионов, в том числе Европейского Севера России⁵. До конца 1980-х гг. отличительной особенностью историко-партийной литературы являлось не критичное отношение к происходящим в области партстроительства процессам. В 1990-е гг. проблемы кадровой политики нашли новое осмысление в работах О.Т.Джавланова, В.А. Михеева, В. Н. Нефедова, А.В. Гапоновой, Л.Е.Татиевской⁶. Исследователи пришли к выводу, что системе кадрового регулирования 1930-х гг. присущи гипертрофированность «назначенчества», высокая частота перемещений с одной должности на другую, жесткость партийного контроля над распределением кадров, секретность характера решения кадровых вопросов. С середины 1990-х гг. самостоятельное место в научной литературе заняли исследования по номенклатуре как системе отбора

– М., 1994; Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1921-1936 гг.). – М., 1959; Мизь А.Б. Краткий очерк истории власти и управления «советского» коммунистического государства. 1917-1991: Уч. пособие. – Саратов, 1996; Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР. 1917-1936 гг.: Учебное пособие. – М., 1962; Сукнасян М.А. Власть и управление в России: эволюция институтов государственной власти и систем управления: Дисс... д-ра истор. наук. – М., 1996; Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР. 1936-1965 гг.: Учебное пособие. – М., 1966.

² Воробей А.П. Влияние структурной перестройки органов ВКП(б) на ход и результаты коллективизации в Северном крае в 1929-1930 гг.: Дисс... к-та истор. наук. – Архангельск, 1999; Гаврилов С.О. Советы Западной Сибири в 1937-1941 гг.: Дисс... к-та истор. наук. – Кемерово, 1996; Солдаткин А.П. Органы исполнительной власти Мордовии в 1928-1937 гг. (Структура, функции, кадровый состав): Автореферат дис... к-та истор. наук. – Саранск, 1998.

³ Шубин С.И. Архангельские оппортунисты // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 145-151; Беданова Л.И. Где быть столице Севера // Холодный дом России. Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / Ред.-сост. С.И. Шубин. – Архангельск, 1996. – С. 63-68.

⁴ См., например: Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917-1937 гг.) - М., 1977; Беляков В.К., Золотарев Н.А. Организация удесятерляет силы. Развитие организационной структуры КПСС. 1917-1974. – М., 1975; Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917-1941 гг.). – Ростов-на-Дону, 1981; Овчинникова Н.В., Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Историография проблем работы с кадрами (1970-1980-е гг.): Учеб. пос. – М., 1988; Разумов Е.З. Проблемы кадровой политики КПСС. – М., 1983.

⁵ История КПСС. В 6 т. / Гл. ред. П.Н. Поспелов. – М., 1967-1970; Очерки истории Архангельской организации КПСС. – Архангельск, 1970; Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895-1968. – Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969.

⁶ См., например: Джавланов О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора. (Историко-политологический анализ). – М., 1993; Нефедов В.Н. Номенклатура империи: исследование кризиса. – Нижний Новгород, 1994.

и расстановки руководящих работников. Существенный вклад в разработку этого вопроса внесли Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер, В.П. Пашин⁷.

Как особый способ пополнения кадров руководителей изучался феномен выдвиженчества. До 1970-х гг. советскими историками выдвиженческие кампании оценивались как весьма успешный метод улучшения работы госаппарата⁸. В 1970-1980-е гг. исследователи не склонны были преувеличивать его значение для эффективности процесса управления. В 1990-е гг. выдвиженчество стало рассматриваться как фактор «устрашения» и замены тех служащих, которые не были достаточно лояльны к Советской власти⁹.

В 1990-е гг. впервые на основе различного рода источников были предприняты попытки проанализировать состав руководящих работников. В.Б.Жиромская, А.К. Соколов, привлекая данные Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 годов, охарактеризовали численность, половозрастной, национальный состав и уровень образования ответственных работников административно-управленческого аппарата¹⁰. Исследования Л.Е.Бонюшкиной, Т.П.Коржихиной, Ю.Ю. Фигатнера посвящены анализу состава центральных партийных и государственных органов¹¹. Л.Е. Бонюшкина на основе банка данных о персональном составе Совнаркома СССР за 1937-1941 гг. проследила динамику изменений в СНК по следующим параметрам: партийный стаж, профессия, уровень образования. Она также исследовала характер продвижения по службе, «текучесть» кадров членов СНК. Т.П.Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер рассмотрели состав Центрального Комитета ВКП(б) с точки зрения социального положения, образования, партийного стажа его членов. Состав руководящих кадров партийных органов среднего звена (обкомов, крайкомов, окружкомов, горкомов и райкомов) частично охарактеризован в работах В.П. Мельникова, В.Н.Нефедова, которые опирались в своих исследованиях на опубликованные материалы¹².

Принципиально новой для отечественной историографии стала тема привилегий и материального обеспечения советской номенклатуры. В 1990-е гг. в работах Т.Г. Архиповой, Т.П. Коржихиной, В.П. Пашина, Е.А. Осокиной

⁷ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. - №7. - С. 25-38; Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочнение (в 20-х –1930 году): Дис... д-ра истор. наук. - М., 1993.

⁸ Рабочий класс в управлении государством (1926-1937). – М., 1968; Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917-1965 гг.). – М., 1968.

⁹ Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917-1975). – М., 1977; Волков В.С. Выдвиженчество в условиях становления административно-командной системы в СССР (20-30-е годы) // Российская интеллигенция. Страницы истории: Межвуз. сб. науч. тр. –СПб., 1991. – С. 44.

¹⁰ Жиромская В.Б. «Кадры решают все!». Административно-управленческий аппарат в 20-30-е гг. (по данным общих и спецпереписей) // Формирование административно-командной системы, 20-30-е годы. Сб. ст. - М., 1992. - С. 203-221; Соколов А.К. Курс советской истории. 1917-1940: Учеб. пособие для вузов. – М., 1999.

¹¹ Бонюшкина Л.Е. Персональный состав Совнаркома (1917-1941 гг.). Создание банка данных и методы его использования: Дис... к-та истор. наук. - М., 1995; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Указ. соч.

¹² Мельников В.П. Коммунистическая партия в 20-30-х годах: опыт и противоречия внутрипартийной борьбы. - М., 1991; Нефедов В.Н. Номенклатура империи: исследование кризиса. - Нижний Новгород, 1994.

были освещены отдельные аспекты данной проблематики, намечена схема описания материального положения советской номенклатуры¹³.

Особое место в научной литературе заняла проблема механизма власти в СССР 1930-х гг. Одним из первых представителей «тоталитарной» школы в США М. Фэйнсодом в конце 1950-х гг. была издана работа, в которой впервые предпринималась попытка реконструировать на примере Западной области реальный механизм власти в провинции¹⁴. В конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. деятельность властного аппарата рассматривалась в отечественной историографии преимущественно с позиции тоталитаризма. Так, И.В. Павлова полагала, что в 1930-е гг. власть носила «конспиративный» характер, осуществлялась исключительно узким кругом партийных лидеров и реализовалась через секретную документацию¹⁵. В конце 1990-х гг. получили распространение иные взгляды на сущность политического процесса 1930-х гг. Так, А.К. Соколов указывает на наличие в высшем эшелоне и на региональном уровне власти различных группировок, кланов, разногласия между которыми иногда принимали довольно острую форму¹⁶.

Одной из центральных в современной историографии является проблема репрессий в среде руководящих кадров. Представители «тоталитарной» школы в западной советологии (Конквест, Бжезинский, Хоскинг) в терроре и «чистках» усматривали проявление власти и доказательство силы советского политического режима¹⁷. «Ревизионисты», напротив, связывали причины террора со слабостью власти¹⁸. Последние исследования отличает фактический отказ от рассмотрения данной темы с позиций «тоталитарной» школы. Дж.Гетти, Л.Холмс истоки репрессий видели в том, что к 1937-1938 гг. «режим имел вялое чиновничество, расхлябанную и неисполнительную бюрократию». Стремление навести порядок в этой сфере и вызвало террор в отношении региональных властей. Гетти также рассматривал кадровые репрессии в отношении ответственных работников как реакцию государства на жалобы населения¹⁹. Г.Т. Риттершпорн причины репрессий усматривал в столкновении центрального партийного руководства и местных партийных лидеров, которые «своими бесконтрольными действиями и произволом ограничивали

¹³ Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. – М., 1995; Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. ХУШ-XX вв.: Учеб. пособ. – М., 1999; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. – М., 1998; Пашин В.П. Указ. соч.

¹⁴ Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов / Пер. с англ. Л.А. Кузьмина; Ред. и автор вступ. ст. Е.В. Кодин. – Смоленск, 1995.

¹⁵ Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. – Новосибирск, 1993. – С.32-33.

¹⁶ Соколов А.К. Указ. соч. – С. 262-263.

¹⁷ Конквест Р. Большой террор / Пер. с англ. Л. Владимировой. Т. 1. – Рига, 1991; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. – М., 1994; Бжезинский З. Перманентная чистка // США: экономика, политика, идеология. – 1990. – №7-8.

¹⁸ Цит. по: Горинов М.М. Советская история 1920-1930-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 262-263.

¹⁹ Цит. по: Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941 / Пер. с англ. – Ростов –на-Дону, 1993. – С. 102, 106-108.

дееспособность государственного организма»²⁰. В.Н. Нефедов связывал начало репрессий с давлением «критической массы» выдвинутых конца 1920-х гг. и молодых специалистов советской школы, почувствовавших «волю к власти»²¹. Особенности современного этапа в исследовании кадровых «чисток» заключается в обращении к репрессиям в среде региональной номенклатуры²².

Определенным итогом современных исследований по теме стало обобщение проблем функционирования советско-партийного аппарата и его кадрового состава в коллективных трудах, учебных пособиях²³. Анализ историографического процесса показывает, что более всего изучены вопросы организационного строительства, структуры государственных и партийных органов, действия номенклатурного механизма, методов кадровой политики, репрессий в среде региональной политической элиты. Не исследованы проблемы качественных характеристик состава местных руководителей, их карьеры в предвоенные годы, фрагментарно рассмотрены особенности деятельности местных руководителей, личные взаимоотношения между ответственными работниками, нравственный облик провинциального чиновничества 1930-х гг.

Целью исследования является рассмотрение проблем формирования, социальных характеристик и характера деятельности провинциального чиновничества Европейского Севера России 1930-х гг. В этой связи были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть процесс формирования структуры региональной власти на Европейском Севере России в 1930-е гг.;
- изучить механизм подбора кадров в исполкомы Советов и аппараты партийных комитетов;
- проанализировать изменение численности и состава провинциальных чиновников, определить степень их материальной обеспеченности;
- изучить особенности карьеры руководящих работников в 1930-е гг.;
- выявить и рассмотреть факторы, оказавшие решающее воздействие на профессиональную деятельность провинциальных чиновников, определить характер взаимосвязей между чиновниками и населением.

Методология и методика исследования. Методология диссертации базируется на общепринятых в исторических исследованиях принципах историзма и объективности, что позволило изучать провинциальное чиновничество во взаимосвязи с политическими и социально-экономическими

²⁰ Цит. по: Горинов М.М. Указ. соч. – С. 263-264.

²¹ Нефедов В.Н. Указ. соч. – С. 51.

²² См., например: Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР: Автореферат дис... д-ра истор. наук. – СПб., 1998; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. – Новосибирск, 1997; 1937-й на Урале. – Свердловск, 1990; Репрессии в Архангельске: 1937-1938. Документы и материалы / Общ. ред. и вступ. ст. Р.А. Ханталина. – Архангельск, 1999.

²³ См., например: Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. Указ. соч.; История России. XX век / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко и др. – М., 1996; Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. соч.; Соколов А.К. Указ. соч.; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. / Под. общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1997.

событиями и явлениями того периода, решать поставленные в диссертации задачи с учетом реалий изучаемого десятилетия, в контексте 1930-х гг. Диссертационное исследование проводилось в рамках комплексного подхода к проблеме, с применением как специальных исторических, так и общенаучных методов. Методы конкретно-исторического анализа сочетались со сравнительно-историческими, статистическими, социологическими. Так, сравнительно-исторический метод позволил проследить этапы и тенденции развития исследуемых процессов в динамике, сопоставить явления и события, происходившие на разных уровнях власти и в разных регионах. Статистический метод применялся как основной при изучении социально-демографического состава и карьеры провинциального чиновничества в выявлении количественных и качественных характеристик изучаемого объекта.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные и архивные источники. В диссертации использованы документы более 20 фондов из 7 федеральных и местных архивов - Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Архангельской области (ГАО), Государственного архива Вологодской области (ГВАО), Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФАО), Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ). Весь комплекс документов по теме разделен на следующие группы: теоретические произведения и выступления руководителей государства; законодательные и нормативные акты советских органов власти; документы коммунистической партии; делопроизводственная документация советско-партийного аппарата; источники личного происхождения (письма граждан и воспоминания); материалы периодических изданий.

Теоретические работы и выступления руководителей государства содержат конкретные сведения о работе отдельных звеньев аппарата управления и действии его механизма в целом, описывают принципы и методы комплектования его личного состава. В работе над диссертацией были привлечены материалы отчетных докладов И.В. Сталина на ХУП и ХУШ съездах партии, на мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) и др. Они являлись основой реальной общегосударственной кадровой политики, фактически носили директивный характер.

Комплекс законодательных и нормативных актов характеризует вопросы организационной структуры органов местной власти и управления, их компетенции и функций, материального обеспечения ответственных работников. К этой группе источников относятся конституционные акты, имевшие хождение в изучаемый период, законы, постановления СНК СССР и его наркоматов. Некоторые из них публиковались в периодической печати и специальных изданиях, например, в Ведомостях ВС СССР, Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства.

Важнейшее значение имеют документы коммунистической партии. В исследовании использованы материалы центральных и местных съездов, конференций, пленумов соответствующих партийных органов. Часть этой обширной документации опубликована, часть по-прежнему находится в федеральных и региональных архивах. Материалы местных партийных конференций содержат богатую фактическую информацию о деятельности провинциального чиновничества, о характере личных и деловых взаимоотношений между отдельными чиновниками. Однако документы партийных форумов 1930-х гг. в значительной степени являются лишь внешним, часто пропагандистским, не содержащим характеристики реальной обстановки в регионе отражением деятельности провинциального чиновничества.

Значительную долю в общей массе источников составляет делопроизводственная документация партийно-советского аппарата, которая в основном сосредоточена в архивах и включает организационно-распорядительные, отчетные, контрольные, учетные материалы, текущую служебную переписку. *Организационно-распорядительные* документы (положения, правила, циркуляры, инструкции, распоряжения) определяли порядок образования тех или иных органов власти, их структуру, компетенцию, механизм комплектования штатов учреждений, регулировали деятельность всего органа в целом и отдельных должностных лиц. В исследовании прямо использовано более десятка положений, инструкций, правил, регламентирующих деятельность властного аппарата. Большинство этих документов хранится в архивах; некоторые публиковались в печати. Для изучения провинциального партийно-советского аппарата были привлечены *протоколы и стенограммы* партийных комитетов и их подразделений (Политбюро ЦК ВКП(б), бюро и секретариатов Северного крайкома, Вологодского окружкома, оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области, бюро Вологодского обкома), а также совещаний, комиссий, отраслевых комитетов. Комплекс этих документов весьма внушителен по объему. Так, только в ВОАНПИ (Ф. 1858, оп. 2) за 1931-1937 гг. отложилось 10 дел с копиями протоколов бюро и секретариата Севкрайкома, направляемых в Вологодский горком. Каждое дело насчитывает от 300 до 800 листов. В диссертации непосредственно используются материалы лишь нескольких десятков протоколов. В основном они представлены краткими (справочными) экземплярами, содержание которых ограничено кругом обсуждаемых вопросов, перечнем фамилий докладчиков и текстом принятых решений. Извлеченная из них информация касается проблем кадровой политики, взаимоотношений органов управления и отдельных чиновников.

Отчетная документация отражает основные направления деятельности провинциального партийно-советского аппарата, качество работы его личного состава. В диссертации она представлена несколькими сотнями отчетов, докладных записок, информационных справок и сведений. Так, отчеты по

оргмассовой работе по форме №4 содержат описание методов и конкретных мероприятий по руководству нижестоящими Советами за каждые полгода. В исследование вовлечены материалы двух десятков отчетов, исходящих от краевых (областных) и районных исполкомов. Более двух сотен отчетных документов составляют докладные записки чиновников партийных и советских аппаратов, адресованные вышестоящим руководителям. Докладные и информационные отчеты, датированные 1937-1938 гг., составляют около трети всех отчетных материалов, привлеченных к работе над диссертацией.

Контрольная документация включает обзоры функционирования органов власти и управления на местах, деятельности и поведения отдельных чиновников, акты обследований региональных партийных организаций и советских учреждений, справки о результатах проверок конкретных фактов и событий. Так, в обзорах, справках, докладных записках, отражающих результаты регулярных обследований деятельности краевых (областных), районных исполкомов и сельсоветов, содержатся сведения о выполнении хозяйственных планов, организации и проведении заседаний, их периодичности, круге решаемых на них вопросов. Количество используемых в диссертации документов такого рода составляет несколько десятков. Все они хранятся в местных государственных архивах.

Проблемы состава и сменяемости, учета, распределения, перемещений провинциального чиновничества отражены в *учетных документах*. Этот комплекс источников включает материалы номенклатурной системы, различные формы статистической отчетности по личному составу аппарата, списки, сведения, сводки, справки о состоянии кадров, анкеты руководящих работников, их характеристики и автобиографии. Для исследования проблем кадровой политики важнейшее значение имеют материалы номенклатурной системы. В директивных документах (положениях, правилах, инструкциях по ведению номенклатурной системы) отражены порядок учета, его цели и задачи, механизм назначения. Конкретный перечень должностей, подлежащих учету, их количество и распределение по отраслям представлено в номенклатурных списках партийных комитетов. В диссертации используются материалы номенклатурных списков Северного краевого, Архангельского и Вологодского областных, окружных, районных и городских комитетов ВКП(б) за разные промежутки времени – всего около 10 оформленных в виде таблиц списков. Различные формы периодической и единовременной статотчетности, списки, справки и сведения о личном составе позволили установить численность и охарактеризовать слой провинциального чиновничества по основным социальным параметрам (пол, возраст, национальность, партийность, социальное положение, образование). В диссертации использовано в общей сложности более двадцати статотчетов по формам №1 («Статистический отчет о составе кадров аппаратов партийных комитетов»), №3 («Статистический отчет о выборах секретарей партийных комитетов»), №3к («Отчет о составе кадров ответственных работников Советов»), №7а («Отчетная карточка о

составе районных руководящих работников»). Кроме статотчетности, привлечено около 50 списков, сводок, справок, сведений о составе партийно-советских аппаратов Европейского Севера России. Выявленный комплекс учетных документов пока в большей степени позволяет описать количественные и качественные изменения в составе первых руководителей партийно-советских аппаратов - председателей РИКов, горсоветов и сельсоветов, секретарей райкомов.

При изучении провинциального аппарата управления особый интерес представляет *деловая переписка*. В нашем распоряжении находятся письма местных чиновников разного ранга, адресованные в различные инстанции. Значительная часть используемой в диссертации переписки принадлежит первому секретарю Северного крайкома ВКП(б) в 1929-1931 гг. С.А.Бергавинову. Спектр обсуждаемых в них вопросов весьма широк: от кадровых и хозяйственных вопросов до личных проблем.

Помимо документов официального характера, в диссертации используются источники личного происхождения. *Письма граждан* содержат описание деятельности провинциального чиновничества, они адресованы руководителям высших и региональных органов власти. В исследовании использована информация из писем граждан разных групп населения. Данный источник помогает не только реконструировать происходившие в 1930-е гг. реальные процессы, но и выявить особенности формирующегося в глазах простых людей образа власти. В диссертации использованы *воспоминания*, например мемуары первого секретаря Ненецкого окружкома А. Д. Евсюгина, жены первого секретаря Архангельского горкома Е.Я. Котовой²⁴, касавшиеся проведения коллективизации, репрессий в среде местного руководства, деловых и личных взаимоотношений провинциальных чиновников. Ценность данных источников в том, что они позволяют почувствовать атмосферу того времени.

Материалы периодической печати представлены в основном информацией из местных изданий 1930-х гг. - газет «Правда Севера» (Архангельск) и «Красный Север» (Вологда), журнала «Большевистская мысль» (Архангельск). Кроме постановлений и распоряжений местных и центральных органов власти, материалов партийных конференций и съездов Советов, в них публиковались статьи о политическом и экономическом развитии региона, во многом носившие пропагандистский характер. Однако эти публикации содержат значительный объем фактической информации. В периодических изданиях печатались также биографические сведения о партийных и советских руководителях региона.

Научная новизна работы в том, что она представляет первый опыт комплексного исследования провинциального чиновничества Европейского

²⁴ Евсюгин А.Д. Судьба. клейменная ГУЛАГом. (Воспоминания). – Нарьян-Мар, 1993; «Как дым от пожара...». Интервью с Е.Я. Котовой, женой бывшего первого секретаря Архангельского горкома (записала Л. Мельнишкая) // Правда Севера. – 1988. – 21 сентября.

Севера России 1930-х гг. Впервые на основе широкого круга архивных источников рассмотрены вопросы количественного и качественного состава руководящих работников исполкомов Советов и партийных комитетов, исследованы особенности карьеры и управленческой деятельности чиновничества.

Практическая значимость работы заключается в вовлечении в научный оборот значительного объема сведений по социально-политической истории Европейского Севера России. Исторический материал и выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего всестороннего изучения советского провинциального аппарата власти, в краеведении и при разработке спецкурсов по региональной истории.

Апробация результатов работы проводилась на межрегиональных и международных научно-практических конференциях: "Архивы – хранилище исторической памяти" (Вологда, окт. 1998 г.); "Архивы России и проблемы региональной истории" (Великий Новгород, май 1999 г.); "Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век" (Архангельск, сент. 1999 г.); "Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации" (Вологда, февр. 2000 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во введении обоснована актуальность темы, определены хронологические и территориальные рамки, сделан историографический обзор, представлена источниковая база, поставлены цели и задачи исследования.

Первая глава «Местные органы власти и кадровая политика» состоит из двух параграфов. В первом параграфе рассмотрена система местных органов власти на Европейском Севере России в 1930-е гг., определены основные факторы, повлиявшие на её развитие, изучена степень участия местных чиновников в этом процессе. Очередная реформа в области административно-территориального деления региона, как правило, влекла за собой полную или частичную перестройку системы партийных и советских исполнительных органов. Например, ликвидация в 1930 г. округов привела к усилению районного партаппарата, созданию в райкомах Северного края трех отделов с общим штатом 4-5 ответственных сотрудников. Руководил всей работой райкома один секретарь²⁵. На организационное строение партийно-советского аппарата Европейского Севера России воздействовали экономические особенности региона. Так, в связи с сельскохозяйственным и лесным «уклоном» экономики Северного края одну из главных ролей в системе краевого исполкома играло земельное управление, которое включало два

²⁵ ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.

подотчетных ему отдела (мелиоративный и лесной) и земельную комиссию. В структуре Архангельского, Вологодского и Северо-Двинского окрисполкомов центральное место занимало земельное управление²⁶. На структуре местной власти отражались и особенности национального состава населения, проживающего на территории региона. В состав Северного края входили два национально-территориальных образования – Коми автономная область и Ненецкий национальный округ. Вследствие этого при краевом исполкоме Советов был образован Комитет Севера. Статус национальной автономии, который имела Коми АО в составе Северного края, способствовал тому, что Коми областной исполнительный комитет формально пользовался наибольшей самостоятельностью в сравнении с остальными окружными исполкомами. Однако реально Коми область в период районирования потеряла самостоятельность в вопросах финансов, налогов, статистики, деятельности органов РКИ и ГПУ.

Местные чиновники имели возможность оказывать влияние на формирование структуры местной власти и компетенцию отделов и подразделений лишь в том случае, когда это не противоречило интересам Центра. Довольно существенную роль в организации Северного края и проведении в конце 1920-х гг. экономической политики Центра в регионе сыграл ответственный секретарь Архангельского губкома С.А.Бергавинов. До своего назначения на пост секретаря Архангельского губкома он работал в аппарате ЦК ВКП(б) ответственным инструктором. Возглавив Архангельскую парторганизацию, Бергавинов начал активно действовать по преобразованию северного региона в зону лесозэкспорта и созданию административного центра Северо-Востока Европейской части России в Архангельске. В результате выгодная Центру точка зрения на экономические перспективы Севера способствовала тому, что районирование региона прошло «по схеме», защищаемой Бергавиновым. В то же время местные ответственные работники своими действиями иногда сводили к минимуму усилия Центра по организационной перестройке аппарата. Так, краевое руководство, подводя итоги ликвидации округов в 1930 г., было вынуждено признать, что главная задача – усиление районов бывшими окружными работниками – не была выполнена. Значительная часть квалифицированных кадров, особенно беспартийных, «саботировала выезд в район». Под давлением местных чиновников были расширены штаты краевых учреждений, а часть окружных ответственных работников «осела» в городских органах управления²⁷.

Во втором параграфе исследованы особенности кадровой политики, порядка и принципов комплектования местного партийно-советского аппарата, подбора чиновников на ответственные должности в провинциальные органы власти, взаимоотношений между руководителями различных ведомств и разного уровня по кадровым вопросам. Исследование этих проблем показало,

²⁶ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1306. Л. 125.

²⁷ ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 458. Л. 236-237; Д. 1022. Л. 66.

что комплектование кадров чиновников производилось через систему взаимодублирующих номенклатурных списков, утверждаемых партийными комитетами разного уровня. На протяжении 1930-х гг. количество должностей и число служащих, подлежащих номенклатурному учету, постоянно росло. В два номенклатурных списка Севкрайкома образца 1932 г. входило 2249 человек, что в три раза превышало номенклатуру СКК ВКП(б) 1929 г. К 1935 г. количество номенклатурных должностей выросло на 7% и составило 2415 должностей²⁸. Анализ номенклатурных списков показал, что в разное время численность чиновников колебалась от 20 до 60% общего числа должностей всех ответственных работников, подлежащих номенклатурному учету. В соответствии с номенклатурной системой местное партийное руководство в 1930-е гг. было ограничено со стороны Центра в проведении собственной кадровой политики на «своей» территории. Например, в 1940 г. 20,6% назначенцев Вологодского обкома находились на персональном учете в ЦК ВКП(б)²⁹. При этом небольшое число учитываемых Центром должностей компенсировалось тем, что аппарат ЦК и его отделы контролировали назначения на ведущие в регионе руководящие должности. Так, в 1929 г. чиновники восьми должностей, в т.ч. секретарь, заведующие отделами крайкома, председатель крайисполкома, фактически назначались на свои посты Центральным Комитетом ВКП(б)³⁰.

Кроме партийных комитетов, в подборе кадров партийно-советского аппарата принимали участие органы Комиссии партийного контроля и НКВД. Последние проверяли ответственных работников на предмет выявления «компрометирующих материалов». В подборе кадров и контроле над ними не последнюю роль играл субъективный фактор, личные и деловые связи чиновников. Так, Е.Я. Котова, жена репрессированного в 1937 г. первого секретаря Архангельского горкома Н.Ф. Котова, позднее вспоминала, что её мужа «поддерживал и пригласил в Архангельск» С.А. Бергавинов³¹.

Изучение проблемы критериев, социально-профессиональных установок, в соответствии с которыми определялась целесообразность назначения того или иного служащего на административную должность, показало, что система кадровых приоритетов в 1930-е гг. была довольно гибкой и менялась в зависимости от общественно-политической конъюнктуры. Так, в массовом выдвижении в аппарат управления «рабочих от станка» и «крестьян от сохи», инициированном властью в конце 1920-х – начале 1930-х гг., отразились классовые установки Советского государства при подборе кадров чиновников. Выдвиженчество являлось обратной стороной «борьбы со спецами», ставившей

²⁸ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 188. Л.15, 39-42, 49 ; Оп. 2. Д. 1-8; Руководящие указания по ведению номенклатурной системы и номенклатуры Северного краевого комитета ВКП(б). - Архангельск, 1935. – С. 23-71, 85.

²⁹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 129. Л. 10-11.

³⁰ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 188. Л. 40-42.

³¹ «Как дым от пожарища...». Интервью с Е.Я. Котовой, женой бывшего первого секретаря Архангельского горкома (записала Л. Мельницкая) // Правда Севера. – 1988. – 21 сентября.

своей целью заменить старых специалистов «пролетарскими кадрами». В Северном крае выдвиженческие кампании протекали на фоне организационного строительства нового административно-территориального образования и формирования его властных структур, одним из основных кадровых источников которых были выдвиженцы. В последней трети 1930-х гг. при назначении работника на руководящую должность партийные органы формально руководствовались двумя основными критериями – политическими и деловыми качествами чиновника. Анализ части биографий, послужных списков чиновников Европейского Севера России, их характеристик, деловой переписки между различными структурами показал, что фактически в данный период эти принципы трансформировались в проверку политической благонадежности чиновника: не является ли он «врагом народа», его родственником, не имеет ли каких-либо связей с «чуждыми элементами», при этом компетентность подменялась высокой исполнительностью.

Вторая глава "Численность, состав и материальное положение провинциального чиновничества в 1930-е гг." состоит из пяти параграфов.

В *первом параграфе* рассмотрена численность провинциального чиновничества. В течение 1930-х гг. наблюдался количественный рост кадрового состава аппарата. По нашим подсчетам, в 1929-1930 гг. численность чиновничества Северного края составляла менее трех тысяч человек, к началу Великой Отечественной войны кадровый состав партийно-советского аппарата Архангельской и Вологодской областей насчитывал пять с половиной - шесть тысяч человек. Увеличение численности чиновников партийно-советского аппарата было обусловлено территориальным дроблением, появлением новых административных единиц. Так, в конце 1930-х гг. к Вологодской области были присоединены 18 районов Ленинградской области, руководящий состав которых составил 23% от общей численности ответственных партийно-советских работников двух северных областей. В то же время в течение 1930-х гг. возросло количество чиновников в масштабе одного района. Если в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в партийно-советском аппарате одного района Северного края исполняли свои обязанности в среднем 10 чиновников, то к началу 1940-х гг. в райисполкоме и райкоме одного района Архангельской или Вологодской областей работало в среднем свыше 30 человек. Особенно заметно увеличилось количество ответственных партийных работников, что связано с изменением организационной структуры партии, приданием ей функций хозяйственного управления и, как следствие, созданием новых структурных единиц и расширением штатов уже существующих подразделений. Так, в июле 1930 г. в аппарате каждого райкома Северного края работало по 3 чиновника (ответственный секретарь и два инструктора)³². К началу 1941 г. штат райкома Вологодской области в среднем насчитывал 15-16 ответственных работников, в

³² ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 490. Л. 4.

том числе три секретаря, пять инструкторов, два пропагандиста, остальные – заведующие отделами и секторами³³.

Второй параграф посвящен исследованию половозрастного и национального состава чиновничества. В 1930-е гг. основные административные функции в местном партийно-советском аппарате были сосредоточены в руках мужчин. Однако в рассматриваемый период доля женщин, привлекаемых к управлению, была несравнимо больше, чем в 1920-е годы. В районах большая часть женщин работала в райисполкомах. К концу десятилетия руководство районными отделами здравоохранения и народного образования нередко являлось прерогативой женщин. С середины 1930-х гг. женщины занимали должности первых секретарей нескольких райкомов. Однако более всего они были представлены в сельских Советах, где в конце 1930-х гг. составляли около 20% чиновников низшего звена Советов. Изучение возрастного состава провинциальных чиновников показало, что на протяжении 1930-х годов ведущие посты в системе партийно-советских органов власти региона занимало поколение, рожденное в первом десятилетии XX века, соответственно, средний возраст чиновников составлял 35 лет. В последней трети 1930-х гг. представители более молодого поколения, родившиеся в течение второго десятилетия двадцатого столетия, начали постепенно занимать ответственные должности. Не последнюю роль в этом процессе сыграли репрессии и выдвиженческие кампании конца 1930-х гг. В то же время кадровое «наступление» молодежи на позиции своих предшественников в административной сфере соответствовало преобладанию представителей молодых возрастов в составе населения Архангельской и Вологодской областей.

Анализ национального состава провинциального чиновничества северного региона показал, что большинство составляли русские работники, представительство нерусских по национальности чиновников Северного края не превышало 20%. В первой половине 1930-х гг. их присутствие было обусловлено вхождением в состав Северного края Коми автономной области и Ненецкого округа. При этом на территории Коми области большинство чиновников являлись коми по национальности. По сведениям 1934 года, в 9 районах и 114 сельсоветах они составляли 89,8% всех работников сельских органов власти Коми области³⁴. Отдельные представители нерусских национальностей иногда занимали высокие должности в советских и партийных структурах власти региона. Так, в 1931-1936 гг. Вологодский горком ВКП(б) возглавлял еврей И.А. Эльяшберг³⁵. Во главе Шольского РК ВКП(б) стоял финн Коцелайнен³⁶. В течение 8 лет ведущим сотрудником краевого

³³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 138. Л. 9.

³⁴ ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 558. Л. 218-218об.

³⁵ Там же. Ф. 2063. Оп. 4. Д. 1. Л. 46-47.

³⁶ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 144. Л. 120-121.

исполкома являлся еврей М.А. Цетлин³⁷. В то же время некоторые национальные парторганизации региона возглавлялись русскими. В период 1932-1937 гг. первым секретарем Ненецкого окружкома являлся И.А. Проурзин, русский по национальности³⁸. К концу 1930-х гг. среди партийно-советского чиновничества Архангельской и Вологодской областей процент работников иных национальностей был минимальным, что было обусловлено национальным составом населения областей и жёсткой политикой государства по отношению к национальным кадрам.

В *третьем параграфе* отражены сведения о социальном положении и партийности провинциального чиновничества. В течение 1930-х гг. основная масса чиновников краевого (областного) партийно-советского аппарата региона имела рабоче-крестьянское происхождение. Однако по социальному положению большинство из них являлись служащими и начинали свою трудовую деятельность в различных ведомствах и учреждениях. Так, первый секретарь Северного крайкома в 1931-1937 гг. В.И. Иванов родился в семье рабочего. Своей основной профессией он считал партийную работу, на которой находился с момента февральской революции³⁹. Первый секретарь Вологодского обкома в 1937-1942 гг. П.Т. Комаров являлся рабочим по социальному происхождению, по профессии, как указано в его анкете, – ответственным партийным работником⁴⁰. Председатель Архангельского областного исполкома М.И. Огарков происходил из крестьян, по социальному положению – служащий, трудовую деятельность начал с должности делопроизводителя в сельском Совете⁴¹. В течение 1930-х гг. обозначилась тенденция к снижению доли рабочих в составе партийно-советских чиновников районных и сельских органов власти. Наибольший процент ответственных сотрудников – рабочих по социальному положению – наблюдался среди председателей горсоветов (44,4% после выборов 1930-1931 гг.), а наименьший – в составе работников сельсоветов (3% в 1936 г.)⁴². Параллельно со снижением представительства рабочих возрастал процент служащих и крестьян. К моменту ликвидации Северного края в районных исполкомах и городских Советах группа чиновников – служащих по социальному положению – составляла 46-60%, что в полтора-два раза было больше, чем в начале десятилетия⁴³. В сельских Советах, где выходцы из крестьянской среды составляли 70-90% всех ответственных работников, с появлением и развитием колхозов с каждым годом росло представительство колхозного крестьянства. В 1934 г. колхозники

³⁷ Репрессии в Архангельске... - С. 216.

³⁸ Там же. - С. 179.

³⁹ Там же. - С. 144.

⁴⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 63.

⁴¹ ГААО. Ф. 2063. Оп. 14. Д. 37. Л. 40б.

⁴² Там же. Д. 437. Л. 229-230; Д. 1004. Л. 27.

⁴³ Там же.

составляли 99,6% всей массы крестьян, занимавших должности председателей сельских Советов Северного края⁴⁴.

В 1930-е гг. членство в ВКП(б) являлось важнейшим фактором продвижения чиновника по служебной лестнице. Бывшие члены некоммунистических партий, участники оппозиций 1920-х гг. практически отсутствовали в составе местных руководителей. Среди провинциального чиновничества Европейского Севера России в 1930-е гг. большинство являлось членами ВКП(б). Исключение составляли секретари сельских Советов, где преобладали беспартийные и комсомольцы. Руководящие работники, имевшие дореволюционный партийный стаж, были представлены в регионе в очень ограниченном количестве. К концу десятилетия эта группа коммунистов исчезла из политической жизни региона. В течение 1930-х гг. довольно четко обозначилась тенденция к смене партийных поколений. На краевом уровне и в составе районного секретарского корпуса подобный процесс проходил в 1937-1938 гг., причем тенденция к приходу на ведущие руководящие посты вступивших в партию после смерти Ленина и в период «левого поворота» Сталина наметилась ещё в середине десятилетия. Среди остальных районных партийно-советских работников смена поколений прошла уже в первой половине 1930-х гг. Вследствие этого к началу Великой Отечественной войны ведущие посты в регионе заняли чиновники, пришедшие в партию в годы первых пятилеток.

В *четвертом параграфе* рассмотрен образовательный уровень провинциального чиновничества. В изучаемое десятилетие, как и ранее, образование не входило в число решающих факторов, способствовавших продвижению чиновника по службе, и не являлось непременным условием для занятия ответственного поста в советско-партийном аппарате. Между тем центральное и местное руководство уделяло внимание образованию провинциальных чиновников. В течение 1930-х годов общий образовательный уровень местного чиновничества вырос, однако оставался невысоким. Существовали различия в уровне образования работников областного, районного и сельского звена. К началу 1941 г. высшим образовательным уровнем обладали 23% областных руководящих работников, средним – 25% чиновников. При этом первый секретарь Вологодского обкома П.Т. Комаров имел низшее образование, а его ближайшие сотрудники – второй секретарь Г.И.Овчинников и секретарь Г.Т. Клишин – высшее⁴⁵. В составе ответственных сотрудников районного и городского звена советско-партийного аппарата около 2% имели высшее образование, не более 20% - среднее. Наиболее же отсталой в плане образования, как и прежде, оставалась группа сельских чиновников, где доля работников со средним образованием не превышала 1,5%.

Пятый параграф посвящен рассмотрению материального положения провинциальных чиновников. Важным, но далеко не единственным источником

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 112. Д. 5. Л. 5.

⁴⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 96. Л. 2, 11.

средств материальной обеспеченности провинциальных чиновников являлась заработная плата. В течение 1930-х гг. наблюдался её значительный рост, она была выше, чем оплата труда остального населения. К примеру, в конце 1930 г. зарплата краевых партийных чиновников составляла 240–280 рублей⁴⁶, в то время как среднемесячная заработная плата рабочих ценовой промышленности Северного края - 60 рублей⁴⁷. При этом существовала дифференциация в оплате труда ответственных работников: её размер зависел от сферы управления (партийная или советская), уровня власти, должности, района. В 1929-1930 гг. зарплата секретаря райкома Вологодского округа составляла 130-164 рублей, инструктора - 100-140 рублей, в то время как наивысшая ставка зарплаты председателя РИКов Вологодского округа составляла 135 рублей. Такую зарплату получал председатель РИКа в районе с населением свыше 50 тысяч человек. Наименьшая ставка была у инспекторов райисполкомов - 70-80 рублей в месяц⁴⁸. Самой низкооплачиваемой группой местного чиновничества являлись работники сельских Советов - председатели и секретари. В период создания Северного края совещанием по советскому строительству были установлены следующие средние размеры зарплаты сельских чиновников: для председателя сельсовета - 38-50 рублей, для секретаря - 37-45 рублей. Наиболее высокие ставки зарплаты были в сельсоветах Архангельского округа и Коми области, как регионов со сложными климатическими условиями⁴⁹.

Немаловажное значение в материальном обеспечении чиновников играло спецснабжение. Так, в 1931 г., после введения карточной системы, постановлением наркомата снабжения СССР на централизованное снабжение продовольствием и промышленными товарами были приняты руководящие работники районов и члены их семей⁵⁰. Кроме привилегированного продовольственного и промтоварного снабжения, для местного чиновничества существовали льготы в налогообложении, санаторно-курортном лечении, обеспечении жильем, оказывалась материальная помощь, выделялись дотации. Из провинциального чиновничества в худшем положении находились председатели и секретари сельских Советов, для которых не предусматривалось никакого специального обеспечения. Льготное обслуживание чиновников, их материальное благополучие было связано, главным образом, с тем положением, которое они занимали во властных структурах. С потерей должности исчезал и весь круг привилегий. И если в начале десятилетия, исходя из материальных соображений, некоторые работники отказывались занимать какую-либо должность в управленческом аппарате, то к концу периода они, наоборот, стремились закрепиться на ответственном посту. Таким образом, к концу 1930-

⁴⁶ ГАОПДФАО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 478. Л. 4.

⁴⁷ Статистический сборник по Северному краю за 1929 - 1933 гг. - Архангельск: Северное краевое издательство, 1934. - С. 72.

⁴⁸ ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 53. Л. 15-16; ГАВО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.

⁴⁹ Там же. Д. 5. Л. 20.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 350. Л. 2.

х гг. фактор материального благополучия для чиновников приобрел огромное значение.

Третья глава "Профессиональная деятельность провинциального чиновничества" состоит из трех параграфов. В первом параграфе исследованы вопросы, связанные с прохождением чиновниками службы в советском или партийном аппарате, рассмотрены стаж ответственной руководящей работы, длительность периода достижения определенного должностного статуса, срок пребывания чиновника на конкретном посту, сведения о предыдущей деятельности. Изучение стажа руководящей работы чиновников Европейского Севера России показало, что к началу 1940-х гг. в аппаратах партийных комитетов и исполкомов Советов преобладали чиновники, начавшие свою карьеру руководителей в первой половине - середине 1930-х гг. Уже к 1937 г. они в основном заменили работников, чья служба в органах власти в регионе начиналась в период гражданской войны и середине 1920-х гг. К концу изучаемого периода стаж руководящей работы большинства партийно-советских чиновников двух северных областей сократился. Наиболее резкие изменения произошли в составе ответственных областного уровня, что обусловлено тем фактом, что наиболее мощный удар в период «чисток» конца 1930-х гг. пришелся на областных руководителей. В результате стаж чиновников краевого (областного) уровня с 7-10 лет в начале и середине 1930-х гг. сократился к концу десятилетия до 5-7 лет. Исключение составляли лишь первые секретари областных комитетов ВКП(б) и председатели областных исполкомов Советов, чей опыт ответственной работы и в конце 1930-х гг. оставался на довольно высоком уровне. Так, П.Т. Комаров, первый секретарь Вологодского обкома, обладал к моменту занятия этой должности в 1938 г. 9-летним опытом руководящей партийной работы⁵¹. Стаж ответственной советской работы М.А. Огаркова, председателя Архангельского облисполкома, к 1939 г. составлял 15 лет⁵². Стаж руководящей работы районных чиновников в течение 1930-х гг. не превышал в среднем 5-7 лет. Наименьшим опытом работы среди провинциальных чиновников обладали председатели и секретари сельских Советов: стаж председателей сельских Советов в 1936-1937 гг. составлял 2,5-3,5 года, в конце десятилетия - 1-2 года⁵³. Анализ сведений о предыдущей деятельности, путях и количестве служебных перемещений свидетельствует о том, что для чиновников Северного региона в 1930-е гг. был наиболее характерен «аппаратный» тип карьеры. Он сопровождался довольно длительным, поступательным прохождением служб преимущественно внутри аппаратов исполкомов Советов и партийных комитетов. Между тем в составе провинциальных чиновников выделялись группы работников, карьера которых была сопряжена с более быстрым темпом прохождения службы. Одной из

⁵¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9. Л. 63.

⁵² ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 8.

⁵³ Там же. Ф. 621. Оп. 1. Д. 849. Л. 6; Д. 1002. Д. 58-66; Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 6-7; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

подобных групп являлись выдвиженцы конца 1920-х – начала 1930-х гг. Карьера такого чиновника была более динамичной и носила «производственный» характер. Бывший рабочий или крестьянин резко менял свой социальный статус, достигая определенной должности благодаря социальному происхождению и «ударной» работе на производстве, а не кабинетной деятельности. Другую группу составляли выдвиженцы последней трети 1930-х гг., которые должны были в кратчайшие сроки ликвидировать последствия «вредительской» деятельности «врагов народа» и заполнить дефицит кадров, возникший в результате репрессий. Вышестоящим руководством особо поощрялось выдвижение из числа рядовых служащих, рабочих, колхозников. Однако перемещения с низовой на областную работу производились редко и только при остром недостатке руководящих кадров. Более широко такое выдвиженчество использовалось для пополнения кадрами районных органов власти.

Второй параграф посвящен характеристике тех факторов, которые оказывали решающее воздействие на отправление чиновниками должностных обязанностей. Так, на работу чиновников в 1930-е гг. оказывали влияние общественно-политические кампании («чистки», борьба с «правым уклоном», «левым загибом», «врагами народа»), инициированные высшим руководством. При этом Центр, списывая на местное руководство ошибки и недочеты в работе, своими действиями нередко вносил хаос в управленческую деятельность в провинции, дезориентировал чиновников, толкал их на репрессивные действия в отношении подчиненных. На исполнение чиновниками своих обязанностей влиял уровень их компетентности, который во многом зависел от опыта ответственной работы и знания специфики управленческого труда, адаптации к нему. Наиболее остро эта проблема стояла перед выдвиженцами. Пришедшие с производства бывшие рабочие и крестьяне стремились честно и добросовестно исполнять свои обязанности, однако нередко им не хватало опыта руководящей деятельности. Местные чиновники в ряде случаев противопоставляли свои действия приказам «сверху», но эти противоречия носили «непреднамеренный» характер, были вызваны условиями реальной обстановки. Например, в 1929 г. районные и сельские чиновники Вологодского округа информировали окрисполком «о невозможности стопроцентного выполнения плана хлебозаготовок не только в установленные планом сроки, но и вообще», объясняя это отсутствием излишков такого количества хлеба у населения⁵⁴. Сказывались на эффективности управления и личные конфликты между чиновниками, их стремление к комфортности и материальной обеспеченности. Иногда отношения внутри аппарата носили негативный характер, что отрицательно воздействовало на работу чиновников. В то же время нормальные, конструктивные отношения способствовали

⁵⁴ ГАВО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 79. Л. 13-14.

высокой эффективности управленческой деятельности ответственных работников, повышали авторитет власти.

Третий параграф посвящен анализу взаимоотношений провинциальной власти с местным населением. Практика использования силовых методов по отношению к населению при решении поставленных задач использовалась не только в экстренных случаях, например, в период проведения коллективизации в Северном крае, но и в повседневной работе на протяжении всего периода 1930-х гг. Местные власти часто нарушали закон в отношении населения, среди ответственных работников имело место неуважительное поведение по отношению к рядовым гражданам. В то же время не все чиновники действовали таким образом, некоторые из них оказывали реальную помощь населению, обращавшемуся к ним со своими проблемами. На формирование образа власти оказывал влияние и моральный облик ответственных работников. Как показал анализ источников, в среде ответственных партийных и советских служащих, в основном в среднем и низшем звене, встречались случаи пьянства, хулиганства, злоупотреблений служебным положением, растрат. Вышестоящее руководство пыталось исправить ситуацию, боролось с «непартийным поведением» своих подчиненных.

Население в ответ на произвол местных чиновников избирало самые разнообразные формы реакции и протеста – от писем и жалоб до активного сопротивления. Нередко жалобы принимали форму клеветы на ответственных работников. В последней трети 1930-х гг. подобные письма давали толчок для дальнейшего «избиения» кадров руководящих работников, для нового витка репрессий в отношении чиновников, что часто находило положительный отклик у населения. Таким образом, в период репрессий местная система власти оказалась под двойным давлением. С одной стороны, вышестоящее руководство требовало выполнения хозяйственных планов, за неисполнение которых грозило наказание. С другой стороны, «снизу», население в письмах и жалобах негативно реагировало на административные, принудительные методы выполнения руководящих директив, что использовалось как повод для последующих обвинений чиновников во «вредительстве». Однако отрицательный образ власти складывался, главным образом, по отношению к местным руководителям. Центральные власти, наоборот, представляли в глазах населения как исключительно справедливые – именно у них население пыталось искать защиту от произвола местных чиновников.

В заключении подведены основные итоги исследования. Изучение состава и деятельности провинциального чиновничества Европейского Севера России показало, что в период 1930-х гг. этот слой претерпел количественные и качественные изменения. К началу 1940-х гг. местный партийно-советский аппарат значительно вырос. Особенно заметно увеличилась численность партийного чиновничества, в руках которого было сосредоточено решение не только политических, но экономических задач.

Изменение социального типа провинциального чиновника шло при непосредственном и активном участии Центра. Высшее политическое руководство с помощью номенклатурного механизма пыталось диктовать региональным руководителям свои представления о структуре и компетенции местного аппарата власти, о принципах и способах его формирования. Через проведение выгодных для себя кадровых решений Центр стремился поставить местных чиновников под свой полный контроль. Однако до конца 1930-х гг. это не удавалось сделать. Провинциальное чиновничество находило возможности избегать тотального давления Центра, в том числе создавая на основе личных связей местные «кланы», где действовала «круговая порука». Это позволяло региональным чиновникам блокировать некоторые решения вышестоящего руководства в области государственного строительства и выполнения хозяйственно-политических кампаний. Стремлением полностью подчинить Центру региональную политическую элиту и были вызваны репрессии конца 1930-х гг. Их результатом стало изменение по многим параметрам социального облика местного чиновничества.

К власти в провинции к началу 1940-х гг. пришли представители нового поколения руководителей. Это были в основном 30-летние работники, становление которых как личностей проходило уже при Советской власти, а как руководителей – в период «левого поворота» Сталина. Подавляющее большинство новых кадров вступило в ВКП(б) в конце 1920-х гг., таким образом, формирование их политических и деловых качеств проходило под знаком подавления оппозиционных течений в партии, формирования жесткой аппаратной дисциплины. Основным источником пополнения кадров чиновников северного региона являлись работники крестьянского происхождения, менталитет которых, безусловно, накладывал отпечаток на характер их деятельности. Эти обстоятельства во многом предопределили появление нового типа ответственного работника, ориентирующегося на исполнение указаний «сверху». В то же время новое поколение чиновников отличалось от своих предшественников более высоким уровнем образования, наличием специальной подготовки.

В 1930-е гг. фактор материального благополучия для чиновников приобрел огромное значение. С этой точки зрения работа в руководящих структурах партийных и советских органов являлась одной из самых престижных и привлекательных, что сознавали и сами чиновники. В изучаемый

период местное чиновничество стало одним из привилегированных слоев советского общества. В обмен на лояльность по отношению к Центру оно было обеспечено спецпайками и высокими зарплатами, качественным бытовым и медицинским обслуживанием. Между тем уровень обеспеченности разных групп провинциального чиновничества был неодинаковым. Работники сельсоветов вообще были отрезаны от тех материальных благ, которые имели районные и областные руководители. Данное обстоятельство во многом объясняет высокий уровень злоупотреблений и произвола сельских чиновников, которые таким образом компенсировали недостаток государственного обеспечения.

В течение десятилетия в облике и деятельности «ответственных работников» Советской России начали проявляться черты дореволюционного чиновничества, что выражалось во все большем отчуждении властного аппарата от общества, противопоставлении деятельности его представителей интересам населения, стремлении чиновников к корпоративной замкнутости и извлечению личной выгоды из статуса носителей власти. Таким образом, в 1930-е гг. сформировался новый тип чиновника, в своей деятельности ориентирующегося на исполнение директив «сверху», чуждого революционной романтике предыдущего периода, использующего членство в партии для реализации своих карьерных амбиций, а служебное положение - для обеспечения материального благополучия.

Приложение содержит 25 таблиц, которые отражают социальные характеристики провинциального чиновничества.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Вологодское чиновничество в конце 1920-х годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: «Легия», 2000. – С. 147-159.
2. Региональная номенклатура на Европейском Севере России в 1930-е годы // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век / Отв. редактор С.И. Шубин. - Архангельск, 1999. – С. 150-155.
3. Материалы вологодских архивов по истории провинциального чиновничества конца 1920-х – начала 1930-х годов // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 30 октября 1998 г., 16 марта 1999 г. Вып. 6. – Вологда, 2000. – С. 119-126.

